

Г.Л. Тульчинский*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА

Смысл является одним из ключевых концептов гуманитаристики: логической семантики, лингвистики, искусствоведения, теории коммуникации, социальной психологии... Такая «многосмысленность» не случайна. Смысл – порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира. И вынужденной делать это всегда с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, с какой-то точки зрения. Собственно, именно такой системой является человек – существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и ее выбора. В этом плане, смысл – принципиально человеческое измерение бытия.

Из этого следуют две принципиальные характеристики смысла. Во-первых, он контекстуален, связан с выбором позиции, дающей возможность обобщения, и такая позиция должна быть внешней, «позицией внеаходимости» (М.М. Бахтин). Во-вторых, будучи связан с выбором такой позиции, смысл телеологичен, связан с целесообразной деятельностью, определенными фреймами, паттернами, практиками использования предмета осмысления.

Философское рассмотрение смысла обусловлено природой философии как практики целостного осмысления действительности, человека, его отношения с этой действительностью, места в ней и себя самого. Выражением такой целостности выступает каждая конкретная культура как нормативно-ценностная система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. И этот процесс реализуется в процессах и практиках коммуникации. Именно в сопряжении понятий коммуникации, культуры, личности и раскрывается содержание практической философии смысла.

В логике раскрытия этого содержания целесообразно воспользоваться этапами концептуального «осмысления смысла», пройденного самим автором, что позволяет учесть конкретные обстоятельства, практические социально-культурные факторы динамики реализованной исследовательской «программы». Выделяется 4 таких этапа.

(1) От логической семантики к нормативно-ценностному синтезу

Рассмотрение в дипломной работе (1975) роли онтологических (экзистенциальных) допущений в логике было расширено в кандидатской диссертации «Логико-философский анализ формализованных языков науки» (1978) до проблемы интерпретации как основания и результата формализа-

* Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, профессор Департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ-ВШЭ-Санкт-Петербург (Санкт-Петербург). E-mail: gtul@mail.ru, gtuichinskij@hse.ru.

ции. Это вывело к семиотике, как общей теории знаковых систем, герменевтике, как теории и практике истолкования не только текстов, но и любых артефактов культуры.

Жизненные обстоятельства создали ситуацию, когда круг интересов постоянно расширялся, включая философию культуры и личности, образование, методологию науки, социальный менеджмент и социальные коммуникации, политическую культуру и технологию. Это расширение подпитывалось содержанием работ тартусско-московской семиотической школы, идей русского формализма, работ Г.Г. Шпета, постпозитивистской философии науки. Все это позволило структурировать несколько важных концептуальных моделей.

Прежде всего, на основе обобщения Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева, был экстрактирован инвариант *содержания смысловой структуры социального опыта*. В любом артефакте культуры, рассматриваемом как знак, помимо означающего (его материальной формы) и означаемого (содержания того опыта, к которому отсылает данный знак), в структуре означаемого вычленяются два основных компонента: во-первых, социальное значение – собственно социально-культурную программа, и во-вторых, личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности.

В свою очередь, в социальном значении можно вычленить также два аспекта: предметное значение – предметное содержание опыта, и функциональное социальное значение – содержание определенной программы деятельности с этими предметами. В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочно-эмоциональное отношение к данному социальному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий. Прохождение этого ряда от материальной формы знака к переживанию демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание). Встречное прохождение же этого ряда – объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры (непосредственной практики, морали, религии, искусства, науки, политики). Собственно, сама по себе любая культура как система порождения, хранения и трансляции социального опыта является «механизмом осмысления» и представляет собой систему *нормативно-ценностных систем* (НЦС). В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, гносеологические (эпистемологические) и

социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития осмысленного знания. Специфической НЦС является язык, реализующийся в целях обслуживания других НЦС, в том числе и самого себя.

Концепт НЦС позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию все более распределенному, формирующему общности единомышленников – вплоть до социальных институтов. Основой динамики институционализации выступает регулярность и интенсивность коммуникации.

В динамике осмысления можно выделить «негативный» (остранение, деконструкция) и «позитивный» (конструктивный) аспекты осмысления. Динамика осмысления и смыслообразования показывают принципиальную роль личностного сознания, выступающего источником, средством и результатом осмысления. В этом плане традиционная семиотика за счет учета персонологического измерения получает расширение («глубокая семиотика», *deep semiotics*) с использованием ряда идей М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета.

Следующим шагом стал анализ семантики практических рассуждений (оценочных, нормативных, императивных), итогом которого стала концепция «*стереометрической семантики*», частью которой является традиционная логическая семантика. С этой точки зрения, основной формой осмысления является идея как синтез знания реальности (истины), ценности или цели (оценки) и программы ее реализации (нормы).

Этот круг идей был систематически представлен в трех монографиях и докторской диссертации «Нормативно-ценностная природа осмысления действительности» (1987). После защиты докторской деятельностно-практическое рассмотрение смыслового содержания опыта дало два корешка: к культуре как нормативно-ценностному генератору осмысления и смыслообразования, и к личностным факторам динамики смыслообразования.

(2) Свобода воли и ответственность

Нормативно-ценностный синтез осмысленного знания оказался важным ключом к анализу философии поступка, факторов его мотивации и оценки, выявлению природы свободы как эпифеномена культуры, первичности ответственности по отношению к свободе, сознанию и самосознанию. На этой основе были развиты представления о различении свободы и воли, структуре и механизме мотивации, роли и видах успеха, социальных эмоциях (стыде, чести, гордости, смехе).

В философии поступка открылись перспективы как уточнения, так и обобщения идеи рациональности, различения рациональности как эффективной деятельности, и рациональности, как выражения гармонической целостности мира, которая не исключает первую, а предполагает ее как меру и содержание ответственности в поддержании целостной гармонии.

(3) Сдвиг гуманитарной парадигмы

В ряде последующих работ, прежде всего, монографий «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы» (2001) «Постчеловеческая персонология. Новые горизонты рациональности и свободы» (2002), «Тело свободы» (2006) круг рассматриваемых проблем был расширен на содержание гуманитарности. Вызревший сдвиг гуманитарной парадигмы должен не отрицать, а обобщать опыт постмодерна, быть по-настоящему междисциплинарным, давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на структурности, сколько на динамике порождения новых смыслов.

В этом плане показательна главная тенденция философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Если границы личности совпадают с границами ее свободы и ответственности, то опыт современной цивилизации придал этим границам весьма интенсивную подвижность и неоднозначность. Они уже не совпадают с границами кожно-волосного покрова тела и психосоматической целостностью личности. Более того, как становится все более понятным в контексте тотальной цифровой медиализации, в настоящее время вызревают представления о перспективе постчеловеческой персонологии. Я, как точка сборки ответственности и есть грядущие метаморфозы и открытия нравственности, предвестником которых был постмодернизм.

Новые неравенства, рост недоверия, алармизма, перспективы (не)знания – все это порождает запрос на *комплексную гуманитарную экспертизу* не только последствий реализации новых технологий, но и целей их разработки, возможностей имплементации, а значит – комплексной осмысленности. Гуманитарность неизбежна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев.

(4) Другие расширения

В этой связи продолжилось и расширение практических контекстов философии смысла. Была выработана ценностно-нормативная модель социогенеза, характеризуемого на двух осях: ценностной (относительно базовых ценностей безопасности, справедливости и свободы) и нормативной (как степени институционализации базовых ценностей). Эта операционализируемая модель открыла возможность синхронического и диахронического анализа культур (включая политические), построения их профилей и компаративистики.

В большой серии работ были рассмотрены источники, ценностно-смысловое содержание, динамика, перспективы *российско-советского куль-*

турного опыта. Систематически рассмотрены российско-советская-постсоветская философская и политическая культуры, их содержание, эволюция, институционализации.

Отдельным направлением стала *символическая политика* («сверху» и «снизу») как борьба за доминирование способов осмысления и смысловых картин мира. Была разработана и апробирована ценностно-нормативная модель нарративов осмысления социальной реальности, позволяющая сравнивать различные смысловые картины исторической памяти, содержание культурной идентичности различных социумов.

Отдельной темой стали анализ и разработка персональных, корпоративных и особенно – региональных *брендов как современных мифов*, выстраивающих смысловую картину мира, выступающих в качестве ориентиров и способов позиционирования в современном информационном обществе. Серия работ была посвящена Санкт-Петербургу и его месту в российской культуре. Система выявленных градообразующих метафор-образов города легла в обоснование ряда программ поддержки и развития культуры СПб.

Получила развитие и идея «поступочного» философствования, выражающегося непосредственно в образе жизни, поведении. Систематической попыткой осмысления личного обыденного опыта стала книга «Истории по жизни», как *опыт персонологической систематизации.*

При активном участии автора разработан проект учебного комплекса *преподавания философии в средней школе.*

Отдельную и довольно важную роль в систематизации философского знания играют словари. Помимо достаточно традиционных словарей, авторский опыт «смыслопорождения» был реализован (в качестве соредатора и одного из авторов) в уникальном проекте «*Проективного философского словаря*». Речь идет о словаре принципиально нового типа, который не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсивные тенденции в развитии современной философии, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей.

(5) Междисциплинарный синтез

Проработка этого круга вопросов поставила вопрос о возможности и даже необходимости обоснования междисциплинарности и конвергенции современной науки. В результате, сначала на материале художественной культуры, а затем политических наук была выработана *модель трех видов (уровней) объясняющих научных нарративов:* (1) уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных; (2) уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами; (3) уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта. Причинный детерминизм science и свобода воли humanities – нарративы разных уровней. Но, хотя science свойственен 2-й уровень, тогда как humanities – 3-й, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны. Так,

роль 3-го уровня проявляется даже на 1-ом – при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Это выражается не только в целевом контексте исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии, которые конкретизируются, операционализируются, измеряются. 3-й уровень проявляется в science, и в контексте исследований: в обоснованиях актуальности, практической значимости, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике. В социально-гуманитарных исследованиях явно задействованы все три уровня. Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют 2-й и 3-й уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения феномена. Тогда как 1-й уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

Редукция методологии в социальных, политических, исторических исследованиях к первым двум нарративам чревата элиминацией собственно акторов, наделенных сознанием, мотивацией, волей. Кроме того, сами естествознание и точные науки зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. Поэтому результатом происходящих изменений видится *междисциплинарная интеграция и конвергентность*, реализуемая на встречах курсах science и humanities. С одной стороны, методы и результаты естествознания и точных наук остро востребованы в гуманитарных и социальных науках, дают им новые и новые стимулы для осмысления и переосмысления. С другой стороны, само гуманитарное знание, гуманитарная экспертиза становятся все более востребованными в научно-технических разработках, расширяя традиционный технологический инжиниринг до инжиниринга социально-культурного. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

(6) Ergo

Представленная «программа» практической философии смысла открывает потенциал междисциплинарного синтеза (конвергенции) современной науки. Реализация описанной «программы» практической философии смысла позволила ввести в отечественный философский дискурс проблемы: осмысления действительности, семантического обоснования практических рассуждений, философии поступка и метафизики самозванства, постчеловеческой персонологии, ценностно-смыслового анализа культурогенеза и особенностей российско-советского культурного опыта, соотношения рациональности и эффективности, гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга, особенностей современного философствования и др. От реализации этого потенциала, как представляется, зависит многое в развитии не только гуманитаристики.